

Сирил оставался в таком положении долгое время, затем из его глаз скатилась слеза. Он крепко сжал край стола, наклонил голову и беззвучно застонал, словно пытаясь выпустить боль, которая почти лишила его сознания.

Слёзы продолжали катиться, и у него даже возникло желание взять нож и вонзить его себе в грудь, лишь бы эта боль прекратилась.

Лишь бы эта боль прекратилась.

Но сейчас ему всё ещё нужно было доиграть эту роль.

□□□□□

Приглашение Феликса Кейна, должно быть, стало неожиданностью для Сирила.

Согласно первоначальному плану, Сирилу пришлось бы ждать ещё два года, пока тот умрёт, и только тогда он смог бы войти в семью Кейн и познакомиться с её единственной наследницей, мисс Авророй. Но глава Кейна уже знал о его существовании и через четыре года в такой особый момент прислал ему это приглашение на встречу.

У Сирила не было причин отказываться.

Четыре года назад, той осенью, он встретил того человека на площади, заполненной голубями, во Флоренции. Четыре года спустя, той же осенью, он приехал в Испанию, туда, где она вышла замуж.

Только он один знал, что под его спокойной внешностью скрывалось почти невыносимое страдание.

На закате Феликс наконец дождался своего гостя.

Он не проявлял ни малейшего нетерпения — даже зная, что тот прибыл давно, но стоял под софорой в коридоре, долго не отрывая взгляда, пока небо не начало темнеть, и только тогда спокойно ушёл.

Сирил стоял там, слегка запрокинув голову, созерцая почти увядшие пурпурные цветы, что напомнило ему его вторую жену. Часто она тоже так стояла перед тем деревом, смотрела на его мощный ствол, яркие цветы... на иллюзию, которая, казалось, могла совпасть с её образом, и он, казалось, тоже что-то понимал.

Лишь когда он оказался перед ним, Феликс смог внимательно рассмотреть этого высокопоставленного господина. Ещё молодой человек, с мифически прекрасной внешностью, стройной и элегантной фигурой, без обычной для поэтов меланхолии или пессимизма, он был спокоен и холоден, как ветер, застывший на месте. Человек, привыкший скрывать все свои мысли и чувства от чужих глаз, даже глядя в его глаза, невозможно было понять его.

Четыре года, 1 500 любовных стихов, каждый из которых был шедевром, каждый из которых был совершенен, словно он описал все возможные слова о любви в этом мире. Только он один мог совершить такой подвиг! Но даже когда Феликс пытался угадать его облик через стихи, он чувствовал только чистую и горячую эмоцию, которую тот хотел передать, и ничего больше.

— Рад видеть вас, господин, — слегка поклонился глава семьи Кейн. — Прошу прощения, что не могу встать, чтобы поприветствовать вас.

Он сразу поставил себя в низкое положение.

Сирил тоже рассматривал его. Видно, что раньше он был высоким и крепким, даже в инвалидном кресле он излучал внушающую страх мощь, но болезнь разрушила большую часть его тела, он стал худым и почти измождённым. В возрасте, когда он ещё должен был быть полон амбиций и планов, он выглядел почти как старик. Даже если его дух всё ещё мог внушать уважение, это вызывало у окружающих чувство печали: он недолго проживёт.

Самое мучительное для человека — это когда у него ещё есть амбиции и силы, но он вынужден встретить приближение смерти. В какой-то степени Сирил почувствовал родственную душу в этом человеке.

Но он должен был ненавидеть его. Он женился на женщине, которую он любил, и позволил ей умереть в таком молодом возрасте. Только подумав об этом, он почувствовал желание уничтожить всё.

Не получив ответа, Феликс не выразил удивления. Говоря, он с трудом повернул инвалидное кресло и взял с письменного стола толстую папку документов:

— Я давно хотел встретиться с вами, но, кажется, не мог себя убедить. И только когда... понял, что у меня действительно нет времени, я подумал о вас.

Его голос был спокойным, словно он разговаривал с давним другом.

Сирил немного помедлил, открыл первую страницу файла, через мгновение закрыл её. Подняв глаза, он с явным интересом спросил:

— Что ты хочешь?

С возрастом его голос стал холоднее и ровнее, но изначально приятный, как звук струн, он приобрёл низкий, магнетический оттенок. Некоторые люди становятся только привлекательнее с возрастом, он был прекрасен в юности, а сейчас его красота была почти пугающей, внушающей благоговение, и на него невозможно было смотреть долго.

Феликс спокойно ответил:

— Брак Сапфира и Кейна, помимо исполнения договора, имел ещё одну цель — сохранить наследие Сапфира. Характер Клорис не позволял ей управлять Сапфиром, поэтому будущим наследником мог быть только её ребёнок или её сводный брат Маркас. Но её мать не смогла добиться своего, Клорис не оставила ребёнка, Маркас ещё слишком молод, и его происхождение... не совсем чистое, что создаёт серьёзные трудности в семье. Сапфир оказался перед самым тяжёлым кризисом.

Он горько усмехнулся, его глаза выражали глубокую печаль и бессилие:

— Я думал, что у меня есть время, чтобы дождаться, пока моя Аврора вырастет, чтобы Маркас смог взять на себя ответственность за семью, но никто не мог представить, что моя жизнь окажется такой короткой. Кейн сталкивается с таким же кризисом, как и Сапфир, и я не могу никому доверять... Я могу думать только о вас.

Самая большая катастрофа для великой семьи — это прерывание наследства и отсутствие преемника.

Сирил уже понял, что он хотел сказать.

У Клорис... был брат! У неё был брат!

Рука Сирила слегка дрогнула, но он тут же сжал её в кулак. В оригинальных воспоминаниях смерть Феликса через два года почти разрушила Сапфир и Кейн, после чего последовал долгий период раскола и поглощения. Когда оригинал пришёл в семью Кейн, Аврора уже была полной сиротой, а Сапфир превратился в пустую оболочку, которую невозможно было спасти, несмотря на все усилия.

У него не было никаких воспоминаний о Маркасе... Значит... этот ребёнок умрёт в течение двух лет?!

— Ты хочешь, чтобы я заменил тебя и стал хранителем, — медленно произнёс Сирил, его глаза были полны глубокой тьмы. — Как ты собираешься меня убедить?

Феликс улыбнулся. Он выглядел очень старым, мышцы на лице слегка подёргивались, словно даже улыбка давалась ему с трудом, но его глаза оставались такими же мудрыми и ясными.

— Я никогда не предавал свою жену... Клорис тоже никогда не предавала вас.

— Она вышла замуж за Кейн, исполняя обязанности, возложенные на неё с рождения, но единственное, в чём она не подчинилась своей матери, это в том, чтобы стать моей женой и родить наследника Сапфира с кровью Кейна. Думаю, брак был для неё неизбежным, но это было то, что она могла контролировать.

Слёзы скатились по морщинам на его лице:

— Я относился к ней, как к своей дочери. Но потеряв вас, она не могла больше удержаться в этом мире. Я смотрел, как она увядала... Все эти годы она была счастлива только утром, читая флорентийскую утреннюю газету. В остальное время не было ни улыбок, ни слёз. Она закрыла своё сердце.

— Вы... писали стихи четыре года, и я вместе с ней читал ваши мысли эти четыре года. Поэтому я вам доверяю, потому что вы тот, кого она готова была любить до самой смерти. Часто я думал, почему всё так сложилось, но... я не знаю, что произошло между вами, и не имею права вмешиваться.

Сказав это, он, казалось, исчерпал все свои силы, затем с трудом наклонился:

— Я знаю, что, возможно... это слишком наивно, возможно, даже абсурдно, но я всё же хочу... попросить вас... помочь мне.

<http://bllate.org/book/17714/1655125>